

Тамара М.

Гранатовая НОЧЬ

Невеста

18+

Тамара М

Гранатовая ночь. Невеста

<https://litres.ru/74479659>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одна ночь у моря. Один гранат, разломанный пополам. Одна ошибка, которая изменит всё.

«Гранатовая ночь» — история о любви, которая не должна была случиться. О лжи, которая стала судьбой. О женщине, которая всю жизнь выбирала между правдой и жизнью.

Содержание

Глава 1.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Гранатовая ночь. Невеста

Глава 1.

Гранатовая ночь.

Ложь, которая стала правдой.

Правда, которая стала жизнью.

Жизнь, которая стала любовью.

Любовь, которая стала — всем.

Тамара М.

Она пахла чабрецом и молоком. В её волосах запутался ветер с Каспия — солёный, влажный, пахнувший нефтью и рыбой, но почему-то всё равно чистый, как дыхание ребёнка. Айгюль стояла на пороге отцовского дома в Кусарах, смотрела на дорогу, которая уходила вниз, к морю, и не знала, что через сорок дней её жизнь расколется на «до» и «после».

Ей было девятнадцать. В этом возрасте девушка в Кусарах либо уже замужем, либо считается перестарком. Айгюль не была ни той, ни другой. Она была невестой. Не своей — чужой.

Она была невысокой, но в ней чувствовалась порода — та, что передаётся через кровь, через сотни поколений женщин, которые рожали в холодных каменных домах и всё равно находили силы улыбаться по утрам. Её фигура была ладной, как у горной газели: узкая талия, округлые бёдра, длинная

лебединая шея. Кожа — цвета топлёного молока с мёдом, с лёгким золотистым отливом. На левой щеке — маленькая родинка, похожая на крошку шоколада.

Волосы Айгюль были её гордостью и её проклятием. Длинные, ниже поясницы, густые, волнистые, цвета тёмного каштана с рыжими прядями, которые загорались на солнце, как медь. Она заплетала их в одну тяжёлую косу, перехватывала алой лентой, и коса лежала вдоль спины, тяжёлая, как верёвка, сплетённая из шёлка и огня.

Глаза у неё были особенные. Не карие, не зелёные, не серые — а все сразу. Как вода в горной реке: смотришь под одним углом — тёмные, почти чёрные; поворачиваешься — вспыхивают зелёным; отходишь — становятся серыми, как утренний туман над морем. Длинные ресницы, густые, чёрные, как смоль. Когда она смотрела на человека, ей казалось, что она читает его мысли.

Она была одета в своё лучшее платье — глубокого винного цвета, с богатой золотой вышивкой на груди и рукавах, которое ей сшила бабушка перед смертью. Ткань струилась при каждом движении, словно живая. На ногах — мягкие кожаные туфли. В ушах покачивались тяжёлые серебряные серьги с рубинами — единственное наследство, оставшееся от матери Ислама, которое та подарила ей на смотрины. На шее — тонкая цепочка с маленьким кулоном в виде полумесяца. Бабушка сказала тогда: «Носи. Он защитит тебя от дурного глаза». Айгюль не верила в дурной глаз. Но носила.

Дом был старый. Стены из камня, побелённые известью, с трещинами, похожими на карту чужой страны. Во дворе росла старая шелковица, а рядом — дикий гранат, ветви которого гнулись к земле под тяжестью спелых, раскалённых солнцем плодов. Под шелковицей стоял длинный деревянный стол, за которым по вечерам собирались мужчины: пили чай из стаканов-армудов, говорили о политике, о нефти, о ценах на баранину. Женщины сидели отдельно — на кухне, на низких табуретках, чистили овощи, шептались, смеялись так, чтобы мужчины не слышали.

Айгюль выросла в этом доме. Она знала каждый его уголок: скрип половиц в коридоре, запах кизяка, которым топили печь, холодную воду из медного кувшина по утрам. Она знала, что если встать до рассвета и выйти на балкон, можно увидеть, как море сливается с небом — серое с серым, и только тонкая полоска света на горизонте разделяет их, как лезвие ножа.

Она помнила Ислама с детства. Он был старше на семь лет. Когда она была совсем маленькой, он казался ей взрослым дядей — серьёзным, молчаливым, с руками, которые пахли бензином. Он никогда не играл с ней. Только смотрел издали — внимательно, спокойно, как смотрят на что-то, что принадлежит тебе по праву, но пока не отдано.

Она не любила его. Но и не боялась. Она просто знала: так надо. Так правильно. Так делали все. Её мать вышла замуж в шестнадцать, не зная отца Айгюль, — и прожила с ним два-

дцать лет, родила четверых, похоронила двоих. И ни разу не сказала, что несчастна. Потому что счастье — это не то, что спрашивают у женщины. Счастье — это то, что она создаёт сама, из того, что дали.

Айгюль верила в это. До того дня.

Он был старшим сыном. Это не просто слова — это приговор. В семье Бекмурадовых старший сын — это тот, кто несёт на себе всё: имя, честь, деньги, долги, память предков. Ислам знал это с детства. Его учили не плакать, не жаловаться, не показывать слабость. Его учили быть скалой. Ему было двадцать шесть. Он был высок — почти метр девяносто, — и широк в плечах, как дуб, который растёт на ветру и не гнётся. В его облике была та тяжёлая, первобытная мужская красота, от которой у женщин пересыхает во рту. Тёмные, густые волосы, коротко стриженные по бокам, но непослушные сверху. Густая, ухоженная борода и усы, которые делали его похожим на хищника — спокойного, сытого, но всегда готового к прыжку. Густые, сросшиеся на переносице брови. Нос с лёгкой горбинкой — след от удара в юности, когда он защищал брата от уличных мальчишек. Глаза у него были тёмно-карие, почти чёрные, как земля после дождя, глубоко посаженные, с тяжёлыми веками. Они смотрели спокойно, без суеты, но с такой интенсивностью, что собеседник невольно начинал нервничать. Когда Ислам злился, глаза становились ещё темнее — и тогда люди отводили взгляд. Когда он любил, глаза теплели, как угли в остывающем костре. Айг-

юль видела это тепло. Но не отвечала на него. Руки — тяжёлые, с мозолями на ладонях, с короткими, крепкими пальцами, которые умели держать и гаечный ключ, и поводья, и женскую руку — так, чтобы не отпустить. На левой руке — татуировка, сделанная в армии: имя матери, Фатима, арабской вязью. Он одевался просто, но с достоинством. Чёрная рубашка, расстёгнутая у ворота, открывающая густую растительность на груди и мощную шею. Чёрные брюки, выглаженные до стрелок. Кожаные туфли, начищенные до блеска. От него пахло табаком, кожей и чем-то терпким, мужским, что не купишь в магазине. Он говорил мало, но когда говорил — его слушали. Он был честен до жёсткости. Если он что-то обещал — он делал. Если он кого-то любил — он любил навсегда. Он полюбил Айгюль, когда ей было тринадцать. Она бежала по улице, босиком, с растрёпанными косами, и смеялась так, что прохожие оборачивались. Он стоял у ворот, курил, смотрел. И понял: эта. Только эта. Он ждал шесть лет. Не потому, что она была слишком юна, — потому что он хотел, чтобы она выросла. Чтобы она стала женщиной, которая сможет войти в его дом не как девочка, а как хозяйка. Он строил для неё дом — большой, каменный, с двумя балконами, с видом на море. Он купил для неё кольцо в Баку — золотое, с рубином, потому что рубин — камень крови, а кровь — это связь. Он не знал, что она не любит его. Он думал, что любовь приходит после свадьбы. Так говорила его мать. Так говорила его бабушка. Так говорили все женщины

в роду. Любовь — это не вспышка. Любовь — это привычка. Любовь — это когда ты знаешь, какой чай он пьёт утром, и сколько ложек сахара кладёт. Любовь — это когда ты стираешь его носки и не чувствуешь брезгливости. Любовь — это когда ты рождаешь ему детей и не спрашиваешь, хочешь ли ты этого. Ислам верил в это. Он был скалой. А скалы не сомневаются.

Младший брат появился в доме за неделю до свадьбы. Он приехал из Стамбула, где учился на режиссёра, — и уже одно это делало его чужим. В семье Бекмурадовых не было режиссёров. Были нефтяники, торговцы, инженеры. Но режиссёр — это что-то другое. Это человек, который смотрит на мир и видит не то, что есть, а то, что могло бы быть.

Ему было двадцать три. Он был выше брата, но тоньше, легче, как тростник. В нём не было кавказской тяжести — той особой осанки, которая говорит: я несу на себе род. Он двигался быстро, порывисто, как будто всегда куда-то опаздывал.

Его внешность была опасной смесью ангельского и демонического. Тёмные, густые волосы, волнистые и непослушные, спадали на лоб и виски, придавая ему вид человека, который только что встал с постели или сошёл с обложки модного журнала. Лёгкая, небрежная щетина на волевом подбородке и скулах. Чёрные, как смоль, брови вразлёт. Чувственные, припухлые губы, которые кривились в насмешливой улыбке.

Но главным были глаза. Янтарные. Прозрачные, как смола, с золотыми искрами, обрамлённые густыми ресницами. Они смотрели не на людей, а в людей. Это пугало. И притягивало. Когда он смотрел на Айгюль, ей казалось, что он видит её насквозь — все её мысли, все её страхи, все её желания, о которых она сама не знала.

Он носил джинсы, потёртые на коленях, и белую рубашку, расстёгнутую на две пуговицы, открывающую смуглую кожу и тонкую золотую цепочку. Поверх рубашки — небрежно накиннутый тёмный пиджак. На левой руке — кожаный браслет, сплетённый вручную. На правой — массивное серебряное кольцо с чёрным камнем. Руки — длинные, с тонкими пальцами пианиста и выступающими венами на запястьях. Он жестикулировал, когда говорил, — касался собеседника, поправлял волосы. Это раздражало Ислама. Это притягивало Айгюль.

Он курил. Много. Турецкие сигареты, крепкие, с запахом, который оставался на пальцах. Он пил кофе — не чай, как все, — и варил его сам, в маленькой медной джезве, которую привёз из Стамбула. Он читал стихи — Омара Хайяма, Назыма Хикмета. Он говорил о кино, о музыке, о городах, которых Айгюль никогда не видела. Он был как окно в другой мир — мир, где женщины не носят платки, где можно смеяться громко, где любовь — это не долг, а выбор.

Айгюль увидела его в первый день. Он стоял на балконе второго этажа, курил, смотрел на море. Ветви гранатового

дерева, усыпанные красными плодами, обрамляли его фигуру, как декорация к спектаклю. Она проходила внизу с корзиной белья. Он окликнул её:

— Ты и есть та самая невеста?

Она подняла голову. Сердце остановилось. Не от любви — от узнавания. Она никогда не видела его раньше, но почему-то знала: этот человек — не чужой.

— Да, — сказала она. — А ты?

— Я — брат жениха. Дамир. Приехал на свадьбу. Хотя, если честно, я не люблю свадьбы.

— Почему?

— Потому что на свадьбах люди притворяются счастливыми. А я не люблю притворство.

Он затушил сигарету о перила. Улыбнулся — уголком губ, одними глазами. И ушёл в дом. Айгюль стояла с корзиной в руках и чувствовала, как что-то внутри неё сдвинулось с места — как камень, который долго лежал на склоне, а потом покатился вниз, набирая скорость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.